Однако это было только для вида. Я могла бы позвать его по имени, как ему хотелось.

— Берник…

Это имя, вертевшееся на кончике языка, вызвало грусть, и вдруг у меня стали саднить глаза.

Берник широко улыбнулся, услышав свое имя, и заплакал. Слезы текли по его щекам и срывались с подбородка, и это были слезы радости, но в моей улыбке, когда я улыбнулась ему, крылась печаль. Он крепко обнял меня.

— Я рад, Рози.

Берник снова и снова шептал мне на ухо. Я могла отчетливо слышать его сердцебиение.

— Мне жаль. Мне так жаль.

Только это я и могла сказать, и слезы текли и по моим щекам тоже. Когда мы обнялись и поддались порыву чувств, вошел Лив.

Он растерянно уставился на Берника. Когда их взгляды встретились, тот быстро вытер слезы и провел Лива к дивану. Перед нами поставили чашку какао с зефирками и две чашки с ромашковым чаем.

Сладкий запах шоколада и цветочный аромат делали атмосферу более непринужденной.

Я медленно рассматривала свои карточки со словами, что Берник сделал для меня, пока таяли зефирки. Там были «цветы», «бабочки», «небо», «облака», «деревья», сопровождаемые милыми картинками. Как и ожидалось, Берник, которому нравилось рисовать, проделал отличную работу. Лив, сидевший напротив, смотрел с неодобрением.

— Это брат сделал?

— Да. Я сделал их для Розианы.

— Кстати, почему там нет моего имени?

Должно быть, этому была причина, но Берник не сделал карточек с именами членов королевской семьи, не считая самого себя. Только его имя было написано на одной из многочисленных карточек — на самой заметной, золотой.

— Потому что я такую карточку не делал.

Берник, мягко улыбнувшись, с этими словами стал смаковать ромашковый чай. Лив, пристально следивший за ним, вздохнул.

— Нечестно!

Эти слова были сказано очень тихо и сопровождены вздохами, но кто угодно мог бы их расслышать.

— Лив.

— Да? Да?

Я позвала Лива по имени, чтобы разрядить обстановку. Лив, который пил свой чай с несколько угрюмым выражением лица, моментально ответил на этот неожиданный зов и от удивления пролил чай.

Служанки бросились к нему, протягивая полотенце. Когда Лив вытер руки, он с озадаченным выражением лица заговорил:

— Сестра... только что... — заговорил он, указывая на себя.

Его каменное лицо сразу просияло. На его губах появилась сдержанная улыбка.

— Все верно. Единственный любимый брат своей сестры, Лив.

— Любимый…

Берник запротестовал, но Ливу было все равно. Он поднялся, подошел ко мне и твердо схватил за руку.

— Скажи это еще раз. Всего один раз, только разочек, пожалуйста!

— Лив...

— Позови меня снова!

— Лив...

Думаю, тем вечером мне пришлось назвать его имя раз пятьдесят.

***

Уставшая, я ворочалась в постели. Когда проснулась, перед моими затуманенными глазами блеснуло нечто желтоватое.

«Я сплю?».

Я медленно моргнула и удивленно вздохнула. Перед кроватью на корточках сидел Эрайт и смотрел на меня.

— Кто я?

Я молча легла обратно и до головы натянула одеяло, которое раньше укрывало меня по пояс. Затем услышала, как Эрайт подбежал ко мне с другой стороны. Он стащил одеяло и взглянул на меня, улыбаясь. Я почувствовала непреодолимое желание ткнуть его разок в глубокие ямочки на щеках. Пока в замешательстве таращилась на него, прямо передо мной неожиданно возникло нечто белое.

— Это — шарф из серебристой лисы, которую поймал своими руками вот этот прекрасный Эрайт!

А, он об этом и в прошлом году говорил. Поверить не могу, что он дарит мне шарф, только когда зима уже кончилась. Я не могу носить шарф сейчас, так как уже тепло, но могла бы надеть его зимой. Могла бы, если бы вообще по-прежнему оставалась в этом мире.

— Спасибо, Эрайт, — сказала я и взяла шарф из лисьего меха.

Ох, я говорю с ним неофициально, но все равно.

Я взглянула на Эрайта. Он просто казался счастливым, ничего не показывая. Думаю, все хорошо.

Его мягкие волосы развевались. Он ушел с крайне довольным видом.

— Я все слышал, так что ухожу! — радостно воскликнул Эрайт, выбегая из комнаты.

Я собиралась сказать: «Давай позавтракаем вместе», — но увидел лишь его спину, исчезающую из моего поля зрения. Он даже не дал мне времени ответить.

Эрайт, вероятно, был самым энергичным существом в мире. Я перевела взгляд на его подарок, оставшийся в руке. Пушистый шарф каким-то образом тронул уголок моего сердца.

***

И все-таки я не обратилась к Эрдосу «отец». Кажется, он испытывал разочарование, но не демонстрировал этого передо мной. Прошло совсем немного времени, прежде чем я сказала кое-что другое.

— Цветок.

— Замечательно, Рози!

Месяц спустя с того дня для Эрдоса стало единственным удовольствием смотреть, как я называю вещи, на которые он показывает.

— Знаешь, что это за цвет?

Когда я притворилась расстроенной, Эрдос встревожился и вскоре стал подсказывать.

— У Берника и Лива волосы того же цвета.

— Красный?..

— Рози, это в самом деле потрясающе! Твой отец действительно счастлив.

Сегодня он не забыл снова выделить слово «отец». Мое тело покалывало от смущения, ведь меня хвалили за такие простые свершения.

Когда я перевела взгляд, то заметила, что во взоре Эрдоса много тепла. Он в самом деле радовался каждый раз, как я показывала ему прогресс своих знаний. Нет, не я, а ребенок, которого считали Розианой.

http://tl.rulate.ru/book/55766/1571398